

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Н. С. Гончарук

Орловская региональная Академия госслужбы

В статье анализируются аспекты европейской национальной жизни, гражданства. Европейское сознание, являясь национальным по своему содержанию, вместе с тем выступает как европейское по своей форме. Постепенно возрастающий процесс европейской интеграции сильно способствует этому, а формирующееся единое европейское сознание, в свою очередь, оказывает ускоряющее влияние в целом на процесс европейской интеграции.

Существуют, как известно, определённые характеристики, которые свойственны для всех общностей. Они позволяют говорить о принадлежности к определённой группе, этносу, нации, государству. Такие формы проявления новой национальной идентичности можно наблюдать и в Европейском Союзе. Разумеется, что они во многом обусловлены предпосылками «извне», единой политикой стран ЕС по целому ряду представляющих взаимный интерес вопросов. Так как процесс формирования и трансформации национальной идентичности долгий и трудный, формы проявления новой национальной идентичности тесно переплетаются с новыми законами ЕС и являются жизненной практикой граждан Союза. Они охватывают многие сферы жизни общества государств ЕС: здравоохранение, культуру, рынок труда, образование, права потребителя, социальное обеспечение, религия и проч.

Известно, что ЕС в своем развитии крайне неоднороден. Входящие в него страны резко отличаются между собой по экономическому развитию, численности населения и т.п. В таких условиях формы проявления национальной идентичности будут выступать более ярко, чем процесс построения новой общей европейской идентификации граждан. Здесь было бы уместно рассмотреть такие понятия как гражданство по «принципу крови» и «по территории».

Во Франции, например, существует связь между принадлежностью к нации-государству и национальной самоидентификацией. Там граждане открыты к принятию новых иностранцев. Что же касается юридических правил эмиграции, то здесь возникает противоречие между открытостью французского общества и юридическими формальностями. Такого рода противоречие при-

вело к тому, что, скажем, в Германии принадлежность к нации считается этническим показателем и там статус гражданина основан на кровном родстве. Здесь же можно провести сравнение с Россией, где гражданство основывается на родственных связях, на чисто этнических признаках, как и в Германии. Таким образом, ни Германия и Россия, а именно Франция изобрела то, что называется «правом крови» и ввела это право в юридические нормы.

Право на гражданство автономно по отношению к национальной принадлежности. Это продукт двух факторов: первый — это юридическая традиция, правовая традиция, и здесь с XIX века имеется французская основа, которая экспортировалась и в Германию, и в Россию, — это «право крови» и феодальная традиция, которая еще осталась в Великобритании и экспортировалась во все Британские колонии и доминионы, а также в Соединенные Штаты Америки. Второй фактор — когда страна имеет эмигрантов-соотечественников. Таким образом, сохраняются связи с эмигрировавшими соотечественниками. Люди, которые воспитаны в традициях страны, в которой они родились, считают себя гражданами этой страны.

Нужно, на наш взгляд, отличать право на получение гражданства и самоощущение человека, то есть его принадлежности к тому или иному этносу. Это положение может меняться и не зависит от правил предоставления гражданства. Правила основаны на необходимости возобновления населения, в важности для государства иметь более или менее однородное население по национальному составу. Для человека речь идет о сохранении связи с родиной [1].

Поскольку принцип построения ЕС основывается на Союзе суверенных государств, граждане которых имеют свою национальную идентичность, постольку для сохранения и развития интеграци-

онных процессов существенно формирование единой национальной идентичности, основанной на общих европейских принципах и ценностях. Очевидно, что этот процесс тесно связан с культурой, доступом к культурным ценностям и, на наш взгляд, является одним из ключевых для рассмотрения. Именно с вопросов культуры начинается формирование ценностей и норм государства. Они так или иначе косвенно отражаются в законодательных актах. Поэтому всё большее число исследователей ЕС согласно с необходимостью «культурной европейской политики», которая должна быть направлена на создание «европейской идентичности». Идентичность, — отмечает Люббе, — это ответ на вопрос, кто мы такие, и этот ответ в конце всегда облачён в форму истории и культуры. Европейская идентичность представляет собой, таким образом, не что иное, как единство происхождения Европы из общего прошлого» [2, с. 185].

Исторически основанная на экономике и торговле европейская интеграция получила дальнейшее расширение сфер своего влияния, чтобы граждане ЕС сильнее ощущали свою принадлежность к Союзу. Культурная основа не является препятствием на этом пути, несмотря на то, что эта область затрагивает отличные от предыдущих правовые положения ЕС. С вступлением в силу Маастрихтского договора 1 ноября 1993 года ЕС получил возможность проводить культурные акции. При этом преследовалась цель участия в «культурном развитии стран ЕС» (Статья 3 договора об основах Европейского Союза). Две последние статьи договора непосредственно связаны с культурой. Одна из них представляет правовые основы для различных культурных акций, другая принимает во внимание культурные особенности в рамках европейского торгового взаимодействия. Согласно статье 151 Соглашения ЕС, созданы инструменты для поддержки культурных программ, например программа «Культура 2000», и акции «европейский город культуры» или «европейский месяц культуры». При этом преследуется двойная цель. Речь идёт о том, чтобы не только показать свой вклад в культурное развитие и сохранить национальную или региональную уникальность, но также и укрепить общую европейскую культурную основу. ЕС координирует совместную работу между культурными организациями различных стран Союза или поддерживает их инициативы, требуя при этом от стран-участниц гармонизировать свою культурную политику.

Культурная активность ЕС охватывает четыре сферы: улучшение знаний и распространение культуры и европейской истории; сохранение и поддержание культурного наследия европейского значения; некоммерческий культурный обмен; художественное и литературное творчество, включая СМИ. Совместная работа с другими странами и интернациональными организациями, прежде всего с Европейским Советом, является приоритетной. Европейский Союз обязан принимать во внимание культурные аспекты при всякой его деятельности. Предложенные Комиссией меры в отношении культуры в соответствии со ст. 151 утверждаются совместным решением (согласование Европейского Парламента и Совета министров). Деятельность ЕС в области культуры проявляется через конкретные меры, предпринимаемые Европейской Комиссией.

Таким образом, Европейские институты равным образом принимают во внимание регулирование поддержки культурных акций. Они служат политическими мерами для гарантии свободного функционирования европейского внутреннего рынка через облегчение экономического обмена между странами-участниками

Немалое значение в укреплении Союза играют и меры в других сферах жизнедеятельности. Важнейшей из них является стратегия ЕС в области здравоохранения. Её центральным компонентом являются новые рамки в области всеобщего здравоохранения, которые должны способствовать эффективному выполнению обязательств Союза. Данная программа содержит новую стратегию, так как возникают новые приоритеты в данной сфере, например, возникновение и распространение новых заболеваний, расходы в здравоохранении и увеличение обязанностей ЕС вследствие изменения в договоре о ЕС (ст. 3 и 152). Программа включает в себя особые меры, включающие:

- систематизацию информации и знаний в области здоровья во всех слоях общества;
- построение системы быстрого реагирования для предотвращения угроз здоровью населения;
- принятие во внимание факторов охраны здоровья, особенно тех, которые связаны с образом жизни.

Таким образом, Союз реагирует на изменения, происходящие в обществе. Общая политика ЕС в различных областях жизнедеятельности способствует формированию единой европейской идентичности. Но, тем не менее, этот процесс долгий и сопряжен со многими трудностями.

Как показывают опросы граждан в разных странах Союза, порой бывают совершенно противоположные взгляды на одни и те же вопросы. Вот некоторые из утверждений «Европейского атласа ценностей», который недавно был издан группой ученых из голландского университета Тилбурга. В опросе, касавшемся их представлений о различных ценностях — от религии и Церкви, семьи и работы до демократии и толерантности, — участвовало почти 40 тысяч человек из 33 европейских стран. По результатам опросов был сделан вывод: такого понятия, как «европеец», не существует. «Европа едина только в политических, еще более — в экономических оценках, — полагает Лоэк Халман, один из авторов исследования. — Восприятие же моральных ценностей, напротив, очень различается».

Это особенно заметно в том, что касается отношения к женщине. Жительнице Европы прямо таки невозможно соответствовать ожиданиям общества. С одной стороны, она должна вносить свой вклад в семейный бюджет, то есть работать. Так, например, считает более 70 % опрошенных немцев. Однако в Бельгии и Великобритании с этим утверждением согласилась только треть участников опроса. Другими словами, граждане этих стран хотят, чтобы женщина сидела дома. Однако, это исключение. В среднем более 50 % опрошенных считают, что пополнять семейный бюджет должны оба партнера вместе. На вопрос, страдает ли ребенок дошкольного возраста от того, что его мать работает, более 70 % опрошенных в Греции, Италии, на Мальте и в Польше ответили положительно. В Дании — всего 18 %. Тогда как 90 % латышей и литовцев убеждены в том, что женщине для счастья нужен ребенок, того же мнения придерживается только 8 % голландцев. Таков один из результатов исследования: при том, что жители Европы разделяют принципиальные ценности вроде демократии и толерантности, в теме о месте женщины в обществе они сильно расходятся. Особенно велики ценностные различия между Севером и Югом, а также между Восточной и Западной Европой. То же самое касается отношения к разводу. По шкале от 0 до 10 (10 означает принятие, 0 — непринятие) шведы набрали 7,8 пункта. В Голландии — 6,6, в Германии — 5,9. Тем самым Германия лишь немного превысила среднее значение в 5,4 пункта. Наименьший уровень принятия развода отмечается в прибалтийских государствах и Польше. Базовыми материалами для издания необычного атласа являются проводимые с 1981 года опросы европейцев о ценностях, которые разрабатывались в Тил-

бургском университете. Тем временем религиозные вопросы стали играть лишь второстепенную роль. Но они по-прежнему входят в круг вопросов, которые вызывают в Европе наибольшие разногласия. Так, например, только 36 % французов считают для себя религию важной. 55 % говорят, что они никогда не молятся. Совсем иное положение в Польше или в Румынии: для 44 % поляков религия занимает очень важное положение. На Мальте 78 % опрошенных молятся вне церкви по меньшей мере раз в неделю. На основании всех этих различий ученый Лоэк Халман делает вывод: «Европейской идентичности никогда существовать не будет. Попытка ее достичь смехотворна. С таким же успехом можно спросить себя, что у нас общего с китайцами». На деле только в Люксембурге относительно большая часть населения ощущает себя европейцами. Более 30 % при ответе на вопрос об их идентичности поставили континент на первое или второе место. Во всех других странах идентификация себя со своей страной, регионом или городом гораздо сильнее. «Часто люди ощущают себя скорее гражданами мира, но не европейцами», — отмечает Халман. В Германии европейцами считает себя всего 5—10 % населения. Итоговый результат опроса: из 40 тысяч участников исследования лишь 2000 ощущают себя европейцами [3].

Данные результаты показывают, что для формирования новой европейской идентичности требуется долгий период времени. Проводимая общая политика правительства Союза способна лишь создать предпосылки, но не может заставить граждан в одночасье почувствовать себя еще и гражданином единой Европы. Двенадцать золотых звезд на голубом фоне, изображенные на флаге ЕС, — всего лишь один из символов, призванный усилить у жителей Европы дух солидарности. Однако далеко не каждый из них ощущает себя европейцем [4]. Этот факт подтверждает и новое исследование немецкого политолога Антье Винер (Antje Wiener), опросившей представителей политической и экономической элиты Германии и Великобритании. Результаты проведенной работы еще раз подтвердили, что «островное мышление» у британцев по-прежнему развито сильно. Для жителей Великобритании Европа начинается за Ла-Маншем, для них типичны выражения: «поехать в Европу» или «провести в Европе отпуск». Лишь когда англичане оказываются на другом континенте — в Азии или в Америке — они причисляют свою страну к Европе, а себя называют европейцами. Опрошенным немцам, напротив, присуще по-

ложительное отношение к Евросоюзу. В Германии большинство убеждены, что интеграция в долгосрочной перспективе — это хорошо и ее необходимо углублять. Те же цели преследовал и ЕС, вводя символику Союза. С 1950 года существует флаг объединенной Европы, четвертая часть симфонии Бетховена «Ода радости» становится европейским гимном. В проекте конституции ЕС флаг и гимн впервые зафиксированы в качестве официальных символов Евросоюза. Они наряду с евро призваны усилить чувство солидарности всех европейцев. Антье Винер считает, что такое разнообразие мнений вполне нормально, ведь национальное и европейское самосознание не исключают друг друга. По ее мнению, до сих пор политики в Брюсселе считали, что население всех государств ЕС любой ценой нужно превратить в граждан единой Европы, а вместо этого следовало бы вынести на передний план культурное многообразие как основной капитал Евросоюза. Нельзя отрицать, что формально понятие «гражданин Европейского Союза» уже существует, хотя некоторые и утверждают, что нет нужного субъекта конституционного процесса, т.е. того коллективного единства под названием «народ», который мог бы сам конституироваться гражданами как нация. Понятийные и эмпирические основания позиции «no-demos-thesis» были подвергнуты критике. Нацию граждан государства нельзя путать с дополитической общностью судеб, каковую отличает общность происхождения, языка и истории, ибо тогда упускается из виду волюнтаристский характер гражданской нации, коллективная идентичность которой не существует «до» и независимо от демократического процесса, где она

возникает. В этом контрасте между гражданской нацией и народной нацией отражается завоевание демократического национального государства, впервые вместе со статусом государственного гражданства создавшего совершенно новую солидарность, а именно абстрактную, опосредованную нравом [5]. История возникновения европейских национальных государств учит тому, что новая форма национальной идентичности носит во многом искусственный характер. Но если это так, то нет никаких оснований полагать, что формирование такого типа гражданской солидарности должно останавливаться у границ национального государства. Правда, условия возникновения национального сознания напоминают нам об эмпирических предпосылках, которые должны быть в наличии, чтобы такая форма идентичности могла распространиться за национальные границы: во-первых, это необходимость европейского гражданского общества; во-вторых, создание общеевропейской политической общественности; и в-третьих, формирование политической культуры, разделяемой всеми гражданами ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейль П. Гражданство и национальность. / П. Вейль // Вестник Европы. — 2005. № 15.
2. Фадеева Т.М. Европейская идея: путь к интеграции / Т. М. Фадеева // Вопросы философии. — 1996. — № 5.
3. Райхштайн Р. Die Tageszeitung // 17.10.2005, www.inopressa.ru
4. People in Europe. — Eurostat Yearbook, 2004. <http://europa.eu.int/comm/eurostat>
5. Хабермас Ю. Эссе: будущее Европы как политическая общность. <http://www.academy-go.ru/Site/RussiaEC/Publications/Habermas.shtml>